

С ЗЕМНОГО НА ПОТУСТОРОННИЙ...

* * *

Говорить на весеннем, на птичьем,
на оттаявшем языке,
и, своим поступившись «величьем», —
стать воробышком в детской руке.

От любви и от страха зажатым
чуть не до смерти. И, не дыша,
дорожить равновесием шатким,
как последним причастьем — душа.

* * *

Говори, если сердца не жалко, —
всё равно не удастся сберечь:
от платочка и до полушалка
простирается русская речь.

Этот синенький скромный платочек,
эта шаль, поменявшая пол...
И колеблемый между строчек,
обжигающий сердце глагол.

Спальный район

1

Надкусанного тыблока
незрелый аромат
я нёс домой из Свиблова
и был, как мальчик, рад.

Я нёс домой в Нагатино
и счастлив был, как бой, —
прекрасная кислятина
надкусана тобой.

2

Руки в стороны, и полетели.
И летим мы с тобой наяву,
как во сне, не вставая с постели,
и печально глядим на Москву.

Муравейник. Помойная яма.
Ад крошечный. Исчадие зла.
Сделай, Господи, так, чтобы мама
нас по новой в Москве родила.

3

лёгкости не хватало
чтоб улететь навсегда
вереска и краснотала
у городского пруда
времени для завершенья
для закругленья углов
и поднебесное пенье
окольцевал птицелов

* * *

– Легко ли? – сказала левкоя, –
без отдыха благоухать,
не зная ни сна, ни покоя
отравленный воздух вдыхать.

Вдыхать, выдыхая, и снова...
– Довольно! Легко...Нелегко...
Не скиснешь! – сказала корова,
имея в виду молоко.

* * *

Вничью завершилась любовь.
Ты ничья. Я ничей.
Остывает горячая кровь,
как впадающий в речку ручей.

Растворился в реке навсегда.
Но темна мелководная муть.
Однородная масса. Вода.
Покрасневшая только чуть-чуть.

* * *

Этак можно бесконечно –
час за часом, день за днём:
по течению беспечно
плыть, как лодка, кверху дном.

Плыть любви и жизни мимо,
видеть только мрак и тьму,
и приплыть...к тому, что мнимо
и не нужно никому.

* * *

Не вспоминать начала,
не думать о конце...

Но чья-то смерть кричала
в расплавленном свинце.

Скорей бы затвердела
и форму обрела,
и незаметно в тело
пришла путём ствола.

* * *

До 47-и не дожил,
но смерть от домочадцев скрыл,
лишь птиц полночных растревожил,
что в переводе – воспарил.

И рай весенний, грай вороний
и тишина летейских вод –
с земного на потусторонний
почти буквальный перевод.

* * *

Просьба: только не трогать руками,
по возможности реже дышать,
и судьбе, привередливой даме,
не мешать приговор оглашать.

Окончательный... Не подлежащий...
Поклянись на небесном УК,
чтоб под камень текла под лежащий
не вода, но забвенья река.

* * *

Для вас...А для кого же?
Не для себя же...А?
Бегут, бегут по коже
мурашками слова.

Любви и долга пленник,
как муравей в лесу,
построю муравейник
и спичку поднесу.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩЕНИЯ»

* * *

А. Алешковскому

Исповедуюсь перед
тонкой книжкой стихов,
мальчик искренне верит
в отпущенье грехов.

И тяжёлая лира
сквозь забвенье и тьму
от большого кумира
переходит к нему.

* * *

Эвелине

Ты действительно думаешь, что
проживёшь без меня, дорогая?
Что уйдёшь налегке, без пальто,
улыбаясь, из нашего рая.
Понадеялся, что не уйдёшь.
Просчитался. Ушла в самом деле.
И тебе аплодировал дождь
посреди января и метели.

* * *

Ю. Новиковой

В реку войди по грудь,
«soggu» скажи любви,
воду не взбаламуть,
лилию не сорви.
Судорогой сведёт,
и не раскроешь рта –
близость летейских вод,
вечная немота.

* * *

жене

Подняться над собой,
как если бы над бездной,
растаяв в голубой
безбрежности небесной.
И зацветает медь,
и воду лижет пламя,
где ласковая смерть
склоняется над нами.

* * *

Соне

Опорожня мирозданье,
приняв как следует на грудь,
забей с самим собой свиданье
и о свидании забудь.
И не приди. Пускай поплачет.
Пускай узнает, что почём...

А пустота уже маячит,
заклеенная сургучом.

* * *

Н. Богатовой

Прикинуться, присниться
гербарием, трухой,
балдея на странице
548-й.

Сухой былинкой мака,
как капелькой огня;
и ни одна собака
не вспомнит про меня.

* * *

Д. Новикову

Всё сошлось. Перепроверили.
Разве только что чуть-чуть.
И в небесной бухгалтерии
штамп поставили на грудь.
И такую расчудесную
жизнь вставанием почти,
разрывая клетку тесную,
как рубаху на груди.
И навеки обречённое
не увидеться с тобой
сердце выпорхнуло чёрное,
тая в дымке голубой.

* * *

Ю. Гуголеву

И не очень-то надо,
Проживу – ничего –
без Нескучного сада,
листопада его,
без сентябрьского ветра,
без рябины и без
тихой музыки «ретро»,
что струится с небес,
той, что сны навевает
золотые и не...
Первым снегом растает
грусть-печаль о стране.
В стороне от победы,
от тоски вдалеке,
в направлении Леты
по Неглинной-реке.